

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.35

ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ СОЮЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРЕАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Б. М. Атаев

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Выявление и характеристика ареальных и генетических особенностей, рассматриваемых в статье, позволяют определить хронологические рамки, в которых происходили процессы взаимодействия и взаимовлияния многочисленных родственных и неродственных языков, распространенных на территории Восточного Кавказа. Для решения этих задач, в первую очередь, необходимо выявление как можно более полного списка структурных черт, претендующих на их квалификацию в качестве общевосточнокавказских.

Exposure and description of areal and genetic features, studied in the article, allow defining chronologic limits in which there were processes of interactions and interinfluence of numerous kindred and non-kindred languages, widespread in the territory of the East Caucasus. At first, for solving this problem, creation of the most complete list of structural features, pretending on their qualification as common East Caucasian ones, is necessary.

Ключевые слова: ареальная лингвистика; языковые союзы; кавказоведение; восточнокавказский языковой союз; взаимодействие языков; этноязыковое взаимодействие на Кавказе.

Keywords: areal linguistics; language unions; Caucasian study; the East Caucasian language union; interaction of languages; ethnic-language interaction in the Caucasus.

История изучения кавказских языков складывалась таким образом, что до настоящего времени проблема ареальных взаимоотношений распространенных здесь языков оставалась наименее разработанной областью лингвистического кавказоведения. Сегодня нельзя не заметить не только определенную недооценку ареальных взаимоотношений кавказских языков, но и явную недостаточность исследований в данном направлении, что, по справедливой характеристике Г. Фогта, создает «опасность заслонить от нас другие направления исследований, видимо, более плодотворные...», однако необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики» [1, с. 391]. Таким образом, сегодня перед кавказоведением стоит важная задача решения проблемы, связанной с этноязыковым взаимодействием на Кавказе. Взаимовлияние распространенных здесь языков разных семей, а также наличие внешних источников заимствования, равным образом воздействовавших на языки этого полиэтнического региона, обусловили появление специфических черт, относящихся к разным уровням языковой структуры, что позволяет говорить о существовании здесь нескольких языковых общностей.

Г.А. Климов отмечает: «Переживаемый современным кавказоведением этап развития характеризуется наличием двух глубоко различных направлений исследования, отмеченных различием как в понимании задач, стоящих перед этой дисциплиной, так и в используемой исследовательской методике. Одно из них придерживаются авторы, считающие их взаимное родство недоказанным и констатирующие в соответствии с этим наличие здесь трех языковых семей (абхазско-адыгской, картвельской и дагестанско-нахской). В советском кавказоведении к их числу принадлежат Г.В. Церетели, А.Г. Шанидзе, Г.С. Ахвледиани, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани, А.Е. Кибрик и др. Среди зарубежных ученых здесь можно назвать Г. Деетерса, Х. Фогта, К.Х. Шмидта, А. Койперса, В. Бедера и др.

Другое направление составляют кавказоведы, считающие, что генетическое единство рассматриваемых языков в принципе уже доказано, и, следовательно, трактующие их как единую языковую семью. Из числа советских лингвистов его представляют А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, Г.В. Рогава, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев, Т.С. Шарадзенидзе и др., а из числа зарубежных – К. Боуда, Р. Лафон и др.» [2, с. 20].

К сказанному остается добавить появляющиеся в специальной литературе все новые и новые свидетельства генетического родства северокавказских языков и приобретающую на этом фоне несколько иное звучание гипотезу о ностратической принадлежности картвельских языков. Как отмечает М.Е. Алексеев, «иногда в работах некоторых кавказоведов прослеживается тесная связь генетического и ареального аспектов кавказской языковой общности. В частности, те лингвисты, для которых проблема генетического родства решена, «обычно придерживаются скептического взгляда на перспективы исследования ареальных взаимоотношений этих групп (ср., в частности, 3, с. 123) о бесполезности фундаментального для ареальной лингвистики понятия языкового союза» [4, с. 24].

Некоторыми лингвистами эта связь несколько преувеличивается, ср. высказывание Б.А. Серебренникова: «Перед кавказоведами стоит дилемма: или, пользуясь нормальным сравнительно-историческим методом, установить генетическое родство иберийско-кавказских языков в целом, или прийти к выводу, что три группы кавказских языков – картвельская, абхазо-адыгская и нахско-дагестанская – не являются между собой родственными и образуют только языковый союз» [5, с. 28].

Необходимо учитывать, что восточнокавказские языки в течение довольно длительного времени контактировали и продолжают контактировать со многими некавказскими, в т.ч. тюркскими (при этом можно говорить о зонах влияния кумыкского и азербайджанского языков), индоевропейскими: иранскими, армянским, русским и др. Следует отметить, что тюркско-восточнокавказские языковые контакты, если не считать маргинальных диалектных зон, имели обычно односторонний характер. В результате ряд восточнокавказских языков характеризуется ныне не только значительным количеством лексических заимствований, но и некоторыми приобретенными структурными чертами, свойственными тюркским языкам. К ним, например, относятся умляутированные гласные, развитие сингармонизма, личного спряжения, тенденция к номинативизации синтаксической структуры и нек. др. [6].

К общевосточнокавказским чертам могут быть отнесены следующие: «На уровне фонологической системы – это богатство консонантизма, а также наличие особых рядов согласных заднего образования увулярных и ларингальных. В плане морфологии эти языки отмечены преобладанием агглютинативного строя, сопровождающегося элементами флективности (прежде всего аблаутными чередованиями), а также функционированием субъектнообъектной префиксации в структуре глагола. Среди синтаксических параллелизмов здесь бросаются в глаза отчетливая вербоцентрическая структура предложения, принципиальное единство словопорядка (подлежащее + дополнение + сказуемое; определение + определяемое), функционирование некоторых однотипных периферийных конструкций предложения (в частности, аффективной).

Наконец, в сфере лексики все группы восточнокавказских языков объединяются довольно значительным слоем интернационализмов мусульманского мира (арабского, персидского и турецкого происхождения), имеющим определенную культурную окраску» [2, с. 20].

Наиболее исчерпывающий список общекавказских, и в частности, общевосточнокавказских структурных параллелизмов содержится в коллективной монографии «Структурные общности кавказских языков» [7]. В области лексики устанавливается общий характер следующих явлений (приводим выборочно):

- «фундаментальное различие семантических категорий одушевленности и неодушевленности, с одной стороны, и человека и вещи (в иной терминологии: лица и нелица) – с другой, выявляющееся во всех группах и получающее свое отражение в самых различных разрядах именной и глагольной лексики» (с. 7);

- «В области глагольной лексики бросается в глаза единый принцип ее организации, согласно которому глаголы разбиты на два основных класса – транзитивных и интранзитивных» (с. 12);

- «С некоторой долей условности в качестве общего параллелизма можно назвать и функционирование особого класса так называемых аффективных глаголов, обнаруживающих свою специфику как в семантическом, так и в формальном отношении» (с. 15);

- «В области именной лексики рассматриваемых языков обращает на себя внимание функционирование особого лексико-грамматического разряда слов – отглагольного имени действия или состояния, известного в специальной литературе под термином ‘масдар’» (с. 18);

- «вигезимальная модель деривации числительных, обозначающих десятки» (с. 21) и нек. др.

Особого внимания заслуживает лексический фонд, в значительной степени общий не только для групп автохтонных кавказских языков, но и для некоторых других представленных в этом ареале языков. К примеру, «почти все кавказские языки имеют особое слово для обо-

значения даровой коллективной помощи при сельскохозяйственных и иных работах: осет. *zɪw//zew*, ингуш. *белхи*, аварск. *гвай*, лезгин. *мел*, балкарск. *мамат* и др. Место сборища в ауле, название которого совпадает в осетинском, балкарском и рачинском (осет. *пыхас*), имеет свое особое наименование и в других дагестанских языках: аварск. *жэйин*, лакск. *даккаву*, лезгин. *ким* и др. Во многих восточнокавказских языках имеется особое слово для обозначения животного с белым пятном на лбу: осет. *zygar*, лезгин. *ккашка* и др.» [8, с. 91]. Аналогичный характер имеют обозначения некоторых других деталей горского кавказского быта – надочажной цепи, открытого загона, пастушеского шалаша и др. [7, с. 27].

По мнению авторов лексического раздела монографии – Г.А. Климова, С.М. Хайдакова и А.К. Шагирова, лишь некоторые из приведенных изоглосс могут претендовать на статус ареальных: «... важнейшую роль ареальных контактов невозможно отрицать в случаях участия в соответствующих изоглоссах таких некавказских языков, как осетинский, армянский и нек. др., на протяжении многих столетий тесно взаимодействовавших с локальными кавказскими субстратами. В частности, такие примеры противопоставления одушевленного и неодушевленного начал в армянском, как наличие референтно соотнесенных парных глаголов..., по всей вероятности, должны быть обязаны фактору взаимодействия армянского языка с кавказскими. По мнению А.Г. Мартиросова, аномальная по отношению к индоевропейской норме трехчленная система личных местоимений 3-го лица в армянском языке не может быть объяснена вне факта воздействия со стороны кавказских языков. Этому же стимулу можно приписать и красноречивые аналогии в составе фразеологизмов кавказских языков, с одной стороны, и осетинского, с другой» [7, с. 34].

Достаточно сложным оказывается определение того, насколько характерной является рассматриваемая изоглосса для той или иной группы языков, пусть даже и засвидетельствованная во всех группах кавказских языков. Так, по мнению авторов названного выше коллективного труда «Структурные общности кавказских языков», «совмещение лексемой ‘глаз’ значения ‘драгоценный камень (особенно – в перстне)’ невозможно признать общекавказской чертой, хотя оно и встречается во всех рассматриваемых областях. Дело в том, что для северокавказских языковых групп этот факт трудно считать характерным: если из картвельских языков такое совмещение широко засвидетельствовано в грузинском (ср., в частности, др.-груз. *tuali gatiōsani* ‘камень драгоценный’) и мегрельском и не чуждо чанскому (о чем говорит эпитет перстня *mcita-toloni* ‘краснокаменный’) и сванскому (ср. *mesjcadī te* букв. ‘перстня глаз’), то среди нахско-дагестанских языков подобное совмещение известно только в некоторых лезгинских (удин. *пул*, цахур. *ул* табас. *ул*), а из абхазско-адыгских представлено исключительно абхазским *а-бла* [7, с. 5]. Таким образом, идея общекавказского языкового союза не находит материального подкрепления. На этом фоне более перспективны поиски лингвистических общностей, ареально более ограниченных» [4, с. 30–31].

Если проблема «кавказский языковой союз» или «кавказские языковые союзы» и определение их состава представляются далеко не однозначными, то факт наличия ареально более ограниченной единицы – «восточно-кавказский языковой союз» на сегодняшний день настолько очевиден, что никем не оспаривается. По крайней мере, в этом вопросе мнения специалистов полностью совпадают.

Сохранение субстратных особенностей возможно при наличии межъязыковой границы и при непосредственном соприкосновении территории, на которой происходили межъязыковые влияния и взаимопроникновения. Этим можно объяснить тот факт, что тюркские и индоевропейские языки (кумыкский, азербайджанский, ногайский, осетинский) на Восточном Кавказе находятся и по сей день в непосредственном контакте с нахско-дагестанскими языками.

Таким образом, сама проблема восточнокавказского языкового союза важна как для решения задач общелингвистического плана, поскольку и само понятие языкового союза до последнего времени оставалось неопределенным, допускающим широкий спектр различных толкований, так и для уточнения целого ряда аспектов развития языков Восточного Кавказа в их взаимодействии и взаимовлиянии. Для решения этих задач, в первую очередь, необходимо выявление как можно более полного списка структурных черт, претендующих на их квалификацию в качестве общевосточнокавказских, т.е. черт, объединяющих дагестанско-нахские, тюркские (кумыкский, азербайджанский и, возможно, ногайский) и индоевропейские (татский и осетинский) языки.

Особого внимания заслуживает лексический фонд, в значительной степени общий не только для групп автохтонных кавказских языков, но и для некоторых других представленных в этом ареале языков. При этом имеются в виду не общие для многих кавказских языков заимствования из арабского, персидского и турецкого языков, а слова местного кавказского происхождения, распространение которых было обусловлено не внешним влиянием, а внутренней жизнью кавказских народов, их тяготением к культурному единству, преодолеваю-

щему историческое многоязычие. Весьма пересеченный языковой ландшафт восточнокавказского ареала, далеко не совпадающий в своих изоглоссах с распределением его характеристик, обусловленных генетическим или типологическим фактором, безусловно, заслуживает стать предметом самостоятельного и глубокого рассмотрения посредством современных методов ареальной лингвистики и лингвистической географии. Выявление и характеристика ареальных и генетических особенностей позволит определить хронологические рамки, в которых происходили процессы взаимодействия и взаимовлияния многочисленных родственных и неродственных языков, распространенных на этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фогт Г.* Индоевропейские языки и сравнительные методы // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 390–402.
2. *Климов Г.А.* Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 209 с.
3. *Шарадзенидзе Т.С.* Типология языков в синхроническом и диахроническом плане. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 214 с.
4. *Алексеев М.Е.* Кавказский языковой союз или кавказские языковые союзы // Языковые союзы Евразии и этнокультурное взаимодействие (история и современность). М., 2005. С. 23–34.
5. *Серебрянников Б.А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М.: Наука, 1982. С. 24–32.
6. *Атаев Б.М.* Из опыта реконструкции структурного облика протоаварского языка // Вестн. Дагест. науч. центра. 2001. № 11. С. 69–72.
7. Структурные общности кавказских языков. М.: Наука, 1978. 132 с.
8. *Абаев В.И.* Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Наука, 1949. С. 80–136.

*Поступила в редакцию 05.04.2011 г.
Принята к печати 26.06.2012 г.*